

изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ.

А. П. Чехову посвящаетъ свои давно имъ написанныя воспоминанія, но еще не опубликованныя И. Н. Потапенко (о появленіи въ литературныхъ приложенияхъ къ „Нивѣ“). Авторъ много лѣтъ былъ близокъ къ Чехову.

— Никогда не бери взаймы у милліо нервовъ,—сказалъ онъ какъ-то г. Потапенко, прочитавъ полученное имъ письмо.

— А что?—спросилъ авторъ воспоминаній.

— Да вотъ, неосторожность,—отвѣтилъ А. П.—Я взялъ у этого. За недѣлю до отъѣзда изъ Москвы. Въ теченіе недѣли мы встрѣтились два раза: въ первый разъ онъ захватилъ ко мнѣ въ номеръ на другой день послѣ займа, сказалъ часъ и все время говорилъ о томъ, какое это большое удовольствіе вынуть и поддержать талантливаго человека. Мнѣ было стыдно, и я хотѣлъ тутъ же вернуть ему взятая вчера деньги, но побоялся обидѣть. Второй разъ у Мора и Морилиза. Я пошутилъ: „вотъ развѣнчалъ вѣду сторулевку“. Онъ взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону.

— Дорогой мой, я такъ радъ... И вы, пожалуйста, не беспокойтесь объ отдачѣ. Когда-нибудь, когда сами будете милліонеромъ...—и расхохотался. Тутъ ужъ я непремѣнно вернулся бы ему деньги, но ихъ не было со мной, да и начаты онъ были. А вотъ отъ него извѣщеніе о предстоящемъ прибытіи въ Нишу. адресъ гостиницы, гдѣ остановится, и приписка о томъ, что онъ намѣренъ дружески провести со мной денечка, два, и если я наслажусь солнцемъ и чувствую себя хорошо, то онъ счастливъ отъ сознанія, что и онъ своимъ скромнымъ участіемъ капелку содействовалъ этому. Понимаете? Такъ это не хуже всякихъ процентовъ. И, кроме того, онъ убѣждаетъ, что я непремѣнно побѣду въ гостиницу привѣтствовать его съ благополучнымъ прибытіемъ. Для того и адресъ указываетъ. А я не пойду.

А. П. составилъ телеграмму въ контору издательства, гдѣ ему были должны, прося о немедленной высылкѣ денегъ по телеграфу.

На вопросъ пріятеля, зачѣмъ это, онъ отвѣтилъ:

— Да вотъ какъ пріѣдетъ и попроситъ меня объ отдачѣ не беспокоиться, такъ я и отдамъ. Готовъ держать пари, что такъ и будетъ.

Скоро пріѣхалъ милліонеръ, но явился къ А. П. только черезъ два дня, очевидно, ожидая его визита къ себѣ. Послѣ его ухода, Чеховъ сказалъ съ веселымъ смѣхомъ пріятелю:

— Напрасно ты не держалъ пари, я выигралъ бы. Онъ-таки сказалъ это: „Вы, пожалуйста, — говоритъ, — дорогой мой Антонъ Павловичъ, не подумайте, что я своимъ приходомъ хочу напомнить вамъ“ — и прочее. Но какъ это хорошо, что мнѣ прислали! Вотъ — сейчасъ мы это и устроимъ.

Онъ написалъ письмо, въ которомъ въ самыхъ корректныхъ выраженіяхъ благодарилъ своего заимодавца за оказанную услугу и просилъ принять уплату долга. А чтобы не обидѣть его, онъ прибавилъ, что торопится быть аккуратнымъ плательщикомъ—единственно для того, чтобы имѣть право въ будущемъ, въ случаѣ надобности, снова воспользоваться его любезностью.

Деньги были тотчасъ же отправлены по назначенію. Милліонеръ, должно быть, пошелъ, потому что болѣе уже не заглянулъ въ Чебуку.

Съ чрезвычайно шепелявымъ въ общественныя отношенія, Антономъ Павловичемъ издатели нерѣдко обращались болѣе чѣмъ безцеремонно. И. Н. Потапенко передаетъ, напр., такой эпизодъ.

Одинъ издатель усердно обождалъ писателя, убѣждая его дать ему что нибудь въ журналъ. Отношенія были пріятельскія. Издатель, обладавшій собственными виноградниками, прислалъ какъ-то А. П. нѣсколько бутылочекъ вина. Наконецъ, Антонъ Павловичъ далъ издателю какую-то вещь для журнала. Послѣ этого они встрѣтились у кого-то изъ знакомыхъ. Когда А. П. ночью собрался уходить и надѣлъ пальто, издатель повеселѣлъ немногу и съ смущеннымъ видомъ суше- ретовъ, пробормотавъ, что то касчетъ своего долга. На улицѣ Чеховъ захватилъ потѣть въ карманъ и вынулъ паплетъ. Въ немъ оказалось около 12 рублей, и счетъ—сплѣдуетъ за разсказъ столько-то. Послано вина такое-то количество бутыл-

локъ, на такую-то сумму. Остальные 12 руб. при семь прилагаются.

Авторъ воспоминаній отрицаетъ до-вольно распространенное мнѣніе, что Чеховъ любилъ свою медицину. Никогда, говоритъ онъ, Чеховъ не говорилъ о томъ, что онъ врачъ, никогда не любилъ. Когда къ нему обращались за врачебнымъ со-ветомъ, онъ отапливался самими общи-ми мѣстами, и видно было, что онъ хо-телъ поскорѣ кончить этотъ разговоръ. Когда къ нему приставали, А. П. огра-ничивался средствами, которыя, если не могутъ помочь, то и не повредятъ, какъ, напр., сода, касторка, компрессы, при-парки и т. п. Когда къ А. П. приходили мужики и бабы съ нарывами и глупости-ми порѣзами, онъ кривился, но съ вели-чайшимъ вниманіемъ осматривалъ, рѣ-залъ, вычищалъ и перевязывалъ. Однако, у него были вѣрныя глаза и самого ав-тора воспоминаній А. П. съ легкостью выличилъ отъ актера, которая не пода-валась лѣченію другихъ врачей. Эту чер-ту Чехова авторъ объясняетъ свойствен-ной А. П. какой-то особенной гордостью совѣсти: онъ не любилъ дѣлать того, чего не могъ сдѣлать въ совершенствѣ. Отъ медицины же онъ отошелъ и не считалъ себя въ ней на высотѣ положенія. И если онъ все-таки бралъ на себя обязанности участковаго врача, какъ, напр., во время холеры, то это вытекало изъ сознанія долга. Заключеніе же А. П. въ одномъ изъ писемъ, что „медицина — моя законная жена, литература незакон-ная“, авторъ склоненъ считать лишь шуткой. Въдъ въ другомъ письмѣ во-время холерной эпидеміи А. П. пишетъ: „Душа моя утомлена. Скучно. Не при-надлежать себѣ, думать только о поно-сахъ... читать только про холеру...—это, сударь мой, такая окрошка, отъ которой не поздоровится“.

Себя А. П. не лечилъ, и трудно опре-дѣлить, когда онъ убѣдился, что болѣтъ такъ-то. Познорѣніе это у него, во вся-комъ случаѣ, было. Такъ г. Потапенко разсказываетъ объ эпизодѣ на желѣзной дорогѣ. Въ вагонѣ вмѣстѣ съ ними ѣхалъ какой-то кашлявшій господинъ. А. П. сейчасъ же познакомился съ нимъ и сталъ разспрашивать о его болѣзни. Симптомы оказались тѣ же, что и у са-мого Антона Павловича. Больной разска-залъ о множествѣ врачей, у которыхъ онъ перебивался, и лекарствахъ, которыхъ онъ перепробовалъ.

Все это пусто,—сказалъ А. П.—нужно бросить Вологодскую губернію, за-катиться куда нибудь подъ тропики и пожить года два-три.

— Ну, гдѣ же тамъ,—возразилъ боль-ной:—у меня на плечахъ мнѣніе и боль-шая семья.

— Семью прогоните, а мнѣніе продай-те и позжайте! Иначе ничего хорошаго не выйдетъ.

„И такъ какъ онъ твердо зналъ,—го-воритъ г. Потапенко,—что ничего хорошаго не выйдетъ, то ничего не предпри-нималъ“.

По мнѣнію г. Потапенко, великій но-велистствъ былъ натурой замкнутой, съ душевными движеніями, скрытыми отъ всякаго посторонняго питиваго взгляда. Знакомые и пріятели поэтому не знали по настоящему А. П. и нерѣдко остана-вливались въ изумленіи, замѣтивъ въ его характерѣ черту, которой и не подозрѣ-вали никогда. Биографы и писатели, лич-но знавшие Чехова, обыкновенно рисуютъ Антона Павловича человѣкомъ сдержан-нымъ и разсудительнымъ. Но, оказыва-ется, и онъ былъ способенъ на сильныя увлеченія и даже такія вѣщанія, какъ игра въ рулетку. Г. Потапенко разска-зываетъ о такомъ характерномъ эпизо-дѣ. Жилъ онъ какъ-то вмѣстѣ съ Чехо-вымъ въ Нишѣ, увлекался игрой въ ру-летку и, очевидно, заразивъ своей стра-стью всегда уравновѣшеннаго Антона Павловича.

Пріятели накупили цѣлую гошу болле-теной, купили даже маленькую рулетку и по цѣлымъ часамъ сидѣли съ кара-ндашами въ рукахъ надъ бумагой, кото-рую исписывали цифрами. Наконецъ, какъ-то разъ, мы нашли систему въ игрѣ, разработали планъ, и поѣхали въ Монте-Карло. Игралъ осторожно, ставки были маленькія, а проигрыши нѣсколько сотъ франковъ.

Снова появились боллетени, цифры заперѣли на листѣхъ бумаги. Поѣхали опять въ Монте-Карло, два-три раза под-рядъ выигрвали и думали, что напали на вѣрный путь. Но вотъ—неблагоприятное стеченіе обстоятельствъ, и снова—большой проигрышъ.

„Въ то время, говоритъ г. Потапен-ко,—я, конечно, не занимался наблюде-ніями надъ нимъ (Антономъ Павлови-чемъ)“. Но когда припоминалъ все это, то какъ будто не узнавалъ обычно спо-койнаго, сдержаннаго, разсудительнаго, уравновѣшеннаго Антона Павловича.

Кто изъ знавшихъ его поводитъ, что въ немъ жила азартъ? А между тѣмъ, онъ углубился въ цифры, старался про-никнуть въ сущность этихъ странныхъ комбинацій, разгадать ихъ тайну. Мы спорили, какъ-то предлагая свою систе-му и защищая ее. У него являлись остроумныя мысли и главное—что вол-неніе его было чисто спортивное, такъ какъ проигрывалъ, въ сущности, пу-стятки.

Но, однако же, въ этомъ не было ни-чего трезваго. Поѣхать даже на минуту, что въ случайныхъ комбинаціяхъ ноне-розу, шѣпотомъ и всякими другими ша-ми могутъ быть отысканы какіе-то за-коны, для этого, конечно, нужна была известная доля безумія, которое вла-дѣетъ игроками, дѣлаетъ ихъ слѣпыми и приводитъ къ гибели.

И вотъ это, какъ казалось, поставив-шій своей задачей трезвость, разумное отношеніе къ жизни, человѣкъ, несомнѣн-но, сильной воли, въ теченіе десяти дней вѣрнулъ въ это, то-есть, допускалъ для себя капелку безумія...

Это увлеченіе рулеткой длилось дней десять. Но потомъ Чеховъ сразу оборо-валъ, а г. Потапенко проигралъ въ путь и прѣхъ, и лишь при помощи А. П., какъ онъ самъ пишетъ, ему удалось оставить „проклятую“ Нишу.